

Парадокс Трешлинка: лагерь уничтожения как источник дохода для администрации, охранников и местного населения

На примере лагеря смерти Трешлинка-II в статье рассматривается такой недостаточно изученный аспект истории Холокоста, как экономический эффект от уничтожения евреев Европы, а также прибыль, которую в результате депортаций в лагеря смерти получали группы, которые были непосредственно связаны с обслуживанием лагерей: немецкая администрация, охранный персонал и местное население, жившее в окрестностях лагерей и приезжавшее в погоне за прибылью из других регионов. В работе предпринимается попытка проследить, как привозимые обреченными на гибель евреями материальные ценности содействовали изменениям в окружающих населенных пунктах и трансформировали род занятий и жизненный уклад местного населения.

Ликвидация была очень хорошим источником дохода¹

Зондеркоманда СС «Трешлинка-II» — это название лагеря массового уничтожения, созданного весной 1942 г. по соседству с трудовым лагерем «Трешлинка-I», расположенным на расстоянии около 80 км на восток от Варшавы. Лагерь находился в пограничном районе — между Генерал-губернаторством и оккупированной территорией СССР — и был наиболее эффективным пунктом, организованным в рамках «акции Рейнхардт»², преследовавшей целью поголовное убийство около двух миллионов евреев Генерал-губернаторства. Он был отлично расположен с точки зрения

© М. Русиняк, 2007.

© И. Гусев, перевод с польского, 2007.

камуфляжа — для введения жертв в заблуждение, поскольку находился вблизи железнодорожной станции Треблинка, далеко от человеческого жилья и на пограничье больших скоплений еврейского населения — Генерал-губернаторства и округа Белосток. Первый транспорт из Варшавского гетто прибыл туда 23 июля 1942 г. в рамках масштабной «акции выселения на восток»³. С этого момента лагерь начал функционировать и принимать жертвы из разных городов Польши и других государств. Прибывших умерщвляли в газовых камерах. Происходило это до 2 августа 1943 г. — дня восстания, поднятого узниками. Ликвидирован лагерь был осенью 1943 г., следы убийств — уничтожены, а оставшиеся в живых узники вывезены в лагерь смерти Собибор. В лагере погибли около 870 000 человек.

Треблинка — название, знакомое многим жителям Польши. Оно связано с местом убийства сотен тысяч невинных человеческих существ, среди них по большей части варшавских евреев, Он активно посещается сегодня людьми, с целью отдать должное памяти жертв и увидеть территорию бывшего лагеря. С другой стороны, это место, которое во время существования там лагеря, а также в послевоенные годы называлось «Эльдорадо Подляшья» — ибо приносило доход как местным жителям, так и лицам, непосредственно служившим в лагере.

В статье поднимается только один аспект, связанный с существованием этого лагеря, а именно материальное обогащение тех, кто участвовал в процессе массового уничтожения евреев. Цель работы — показать, что лагерь являлся не только местом уничтожения, но и объектом, приносящим выгоду, ибо способствовал как созданию условий для существования евреев-узников лагеря, так и обогащению охранников лагеря (вахманов⁴), служивших там эсэсовцев, местных жителей и прибывавших в эти края в погоне за богатством, а также целого государства, собиравшего то, что осталось после жертв — Третьего рейха. Об этом аспекте существования лагеря работы отсутствуют. Что касается функционирования самого лагеря, то эту проблематику уже глубоко изучили другие историки. Писать об этом в очередной раз было бы повторением уже найденных сведений и сделанных ими выводов⁵. В большинстве вышеназванных публикаций исследования заканчиваются на периоде ликвидации лагеря и вывозе последних оставшихся в живых узников 17 ноября 1943 г. в Собибор.

Следует помнить, что такая же судьба постигла другие лагеря уничтожения на территории Генерал-губернаторства — Белжец и Собибор. В историографии ещё недостаёт названий, обозначающих эту тему. Следует также отметить, что эти места не были забыты после того, как лагеря перестали функционировать. Территории бывшего расположения лагерей впоследствии стали местом «экспедиций» местного населения, с це-

люю розыска ценных вещей, оставшихся после уничтоженных. Относительно территории бывшего расположения Треблинки такая работа уже опубликована⁶. Послевоенная судьба мест, где располагались лагеря Белжец и Собибор, как своеобразных «Эльдорадо» местного значения, пока еще находится в процессе исследования автором. Результатом этой работы будет статья, которая планируется к публикации в конце 2008 г. в Польше в сборнике Еврейского Исторического института в Варшаве. Данная же статья является частью более широкой работы под названием «Лагерь уничтожения в Треблинке-II в общественной памяти 1943–1989 гг.»⁷

* * *

*У всех — и немцев, и украинцев —
было так много денег, что они могли
купить все. Думаю, они все в Треблинке
стали миллионерами*⁸.

Предпримем попытку представить, что еще происходило в лагере смерти Треблинка с июня 1942 г. по август 1943 г., помимо собственно уничтожения. В то время как для тысяч евреев это было место «последней остановки», для других — немецкой администрации, охранников, жителей округа, немногих остававшихся в живых евреев — оно стало «золотым дном», Эльдорадо Подляшья. То, что происходило в лагере и было связано с убийством тысяч людей, а также присвоением и распределением привезенных ими ценностей, можно представить с помощью нижеследующей схемы.

Евреи, которых привозили в Треблинку, имели при себе то, что было для них наиболее важным и ценным — деньги, семейные реликвии, золото, самую необходимую одежду и небольшой запас продуктов. Как известно, после выхода из вагонов на станции Треблинка им приказывали всё сложить, раздеться, связать ботинки и идти в «баню»⁹, из которой живыми они уже не выходили. Иногда предварительно из группы выбирали от десяти до двадцати здоровых мужчин, получавших задание отсортировать оставленные вещи, а также похоронить умерших. Часть этих «счастливчиков» оставляли работать в лагере¹⁰. Новые транспорты в очень большой степени помогали узникам продолжить жизнь, или, скорее, существование на какое-то короткое время.

Сокращение прибывавших транспортов означало наступление голода среди узников, так как их дневной продовольственный рацион составлял 250 граммов хлеба и суп, который они получали на обед. Остальное питание зависело от того, что оставалось после умерщвленных евреев¹¹. Эти

сведения появляются во многих воспоминаниях бывших узников, в которых подчёркивается, что первоначально им было трудно осознавать то, что они живут благодаря смерти других, однако со временем в ужасных условиях они привыкли и к этому¹². С начала существования лагеря узники, разбирая вещи, оставшиеся после удушенных газом людей, выбирали для себя одежду, еду, лекарства, не обращая ни малейшего внимания на золото и валюту, находившиеся среди них¹³. Позже эта ситуация изменилась. Если при частом прибытии транспортов евреям не нужно было проводить торговые операции с вахманами, то при отсутствии транспортов евреи добывали еду у вахманов за золото, прежде принадлежавшее уничтоженным. За эти же богатства можно было добыть дополнительное питание от местных крестьян. Это иллюстрируется фрагментом воспоминаний одного из узников:

«Я видел иногда полные чемоданы золотых челюстей и зубов, которые потом дантисты чистили и сортировали. Для нас, узников, золото не имело никакой ценности в этот период. Довольно часто золотые монеты лежали в песке и никто не наклонялся, чтобы их поднять. В более поздний период, когда прекратились транспорты, золото имело уже полную ценность. За золотые монеты или за доллары можно было что-нибудь достать у вахманов... Было это летом 1943 года»¹⁴.

Контрабанда происходила при помощи вахманов и в большой степени тарнунгскоманды, которая выходила несколько раз в месяц в лес¹⁵, где наступал обмен: евреи давали деньги вахманам, за которые получали хлеб, ветчину и водку, благодаря чему хоть ненадолго могли забыть о том, что творилось вокруг¹⁶. Об этом говорил Рихард Глязар:

«Называли нас “контрабандистами”, поскольку мы были единственными узниками, которые выходили за пределы лагеря, и в связи с этим пользовались в полной мере возможностью принести в лагерь различные вещи. Проходили недели, транспорты приходили всё реже, и всё большее значение приобретала доставка продуктов в лагерь для людей, которые были необходимы для реализации наших планов... У нас было довольно много денег, следовательно, мы постоянно платили украинцам. А полякам — ну что же, в мае 1943 года за 2 буханки хлеба, несколько сот граммов колбасы и 3/4 литра водки платили от 10 до 20 долларов, а бывало, что и больше»¹⁷.

Следующим звеном в цепочке зависимости были вахманы, которые, как пишет один из бывших узников, не могли сами даже приближаться к собранным в лагере ценностям (по установленным СС в лагерях смерти правилам вахманам было запрещено присвоение привезенных евреями ценностей и имущества). Охранники просили евреев, чтобы те давали им либо доллары, либо золото, которые они затем в свободное от службы время тратили в окрестностях. А евреи благодаря этим «взяткам» получали несколько минут отдыха, сигареты, еду, а также могли тайком принести золото и деньги в барак¹⁸.

За посреднические услуги в операциях обмена между крестьянами и евреями вахманы тоже получали от последних деньги и ценные вещи¹⁹. Благодаря этим приобретениям условия жизни охранников также могли улучшаться. Будучи хорошо обеспеченными материально (в том числе золотом и валютой), они могли тратить так, как считали нужным — прежде всего на проституток, которые приезжали даже из Варшавы, или дочерьми местных крестьян, которых те отдавали охранникам в ходе совместной

выпивки²⁰. Об этом известно не только из воспоминаний бывших узников, но также из показаний местных жителей и работника станции Трешлинка Францишека Зомбецкого:

«Украинцы стали располагать большими деньгами. Требовали поэтому всё больше женщин. Один из хозяев принуждал спать с ними свою двенадцатилетнюю дочку... Невесть откуда появились в окрестности две молодые польки, сняли комнату и «принимали» украинцев»²¹.

Известен пример села Злотки в гмине Простынь Венгровского повята — населённого пункта в нескольких километрах от лагеря, где в одном из домов украинцы бывали частыми гостями, развлекаясь и пользуясь услугами хозяйки и её дочерей, равно как и проституток, которые приезжали в село с целью развлечения украинцев и получения от этого доходов²².

Перейдем к следующему звену, то есть полякам, жившим в окрестностях: это и село Вулька Окронглик, находившееся в 4 км от лагеря, и сёла, отдалённые на 10 км от него. Жительница Злоток может послужить примером того слоя, для которого Трешлинка-II была Эльдorado Подляшья — источником дохода. Из протокола, составленного в 1947 г. в комиссариате гражданской милиции в Простыни, узнаём, что за развлечения с бутылкой водки в компании вахманов и оказанные им услуги эта женщина извлекала доходы в валюте, бижутерии, часах и золоте²³. Из допросов других жителей этого села узнаём, что эта особа слабого пола не только сама отдавалась вахманам, но также подбивала к этому других женщин, из чего также извлекала доходы, а от местных жителей получила прозвище «мамки украинцев». Как было установлено, за добытые ценности она приобрела недвижимость для себя и семьи. Дело это слушалось в 1950 г. в окружном суде в Седлеце. В предъявленном ей иске было отмечено, что эта женщина своим поведением действовала на руку немецким властям и, следовательно, во вред польскому народу. Обвиняемая не признала вины. Утверждала, что вахманы, приезжая в село, только оставляли лошадей у неё на подворье. Стоит добавить, что при слушании этого дела выступали свидетели-очевидцы, которые вспоминали проституток, приезжавших в село с целью оказания услуг вахманам, что нам известно как из воспоминаний жителей села Вулька Окронглик, так и узников лагеря. Откуда узники, которые не выбирались за пределы ограждения, знали об этом? Ответ прост: вахманы от этих женщин часто заражались сифилисом или триппером, от чего их лечили врачи-евреи²⁴.

Возвращаясь к женщине из Простыни, отметим: при слушании её дела выступал свидетель, который поселился в селе уже после ликвидации лаге-

ря и в своих показаниях представил сведения, услышанные им в селе и совпадавшие с первоначальными показаниями остальных. Нужно добавить, что обвиняемая была оправдана, так как свидетели и лица, которых привлекли к процессу, дали в суде показания, обеляющие ответчицу. Надо задуматься, действительно ли все эти события не имели места? Или все же происходили, но остались в первоначальных показаниях и не были раскрыты до конца? Возможно, свидетели были подкуплены обвиняемой — принимая во внимание доходы, которые принёс ей лагерь — и поэтому изменили показания?²⁵

Как уже упоминалось, крестьяне занимались торговлей — продовольственные поставки приносили им доходы от вахманов²⁶. Продавали еду, а взамен получали польскую валюту, а бывало, что и доллары или золото. Один из них и сейчас вспоминает, что операции обмена были выгодными, поскольку евреи хорошо платили²⁷. Почему евреи? Потому что большая часть этих поставок предназначалась для евреев, о чём было написано выше. Как вспоминал Ежи Круликовский, работавший в окрестностях Трешлинка, «среди местного населения была также, к сожалению, определенная группа, которая любой ценой хотела нажиться на трагедии евреев»²⁸. Было время, когда крестьяне носили корзины для яиц, полные часов, для дальнейшей реализации. В это время можно было наблюдать строительство новых домов в окрестных сёлах. Женщины начали носить меха «известного происхождения»²⁹. Извлекали также деньги из услуг, оказываемых охранникам, местные или приезжие девушки. Такое поведение жителей села Вулька Окронглик будоражило тех, кто жил в других населённых пунктах, и разнеслось широким эхом по окрестности. Об этом может свидетельствовать хотя бы фрагмент воспоминаний Юзефа Гурского, касающийся того периода войны, который он провёл в Церанове, где обратил внимание на поведение жителей в окрестностях лагеря. Он описал, как крестьяне посылали своих дочерей и жён к вахманам с известной целью, за которую они получали плату. Благодаря этому можно было наблюдать развитие села в тяжёлое военное время³⁰.

Существование лагеря привлекало в эту местность и людей из дальних мест, например, из Варшавы³¹. Было время, когда здесь легче было узнать текущий курс доллара, чем на чёрной бирже в Варшаве³².

С другой стороны, жители Вульки Окронглик должны были копать ямы для жертв³³. Их обязывали поставлять лошадей для т.н. подвода, т.е. работ на территории лагеря; их к тому же всё время преследовало чувство страха³⁴, потому что их в любой момент могли убить (22 смертельных случая в Вульке Окронглик подтверждены воспоминаниями³⁵) или поместить в Трешлинку-I — исправительно-трудовой лагерь.

Главными и формальными лицами, осуществлявшими отделение евреев от принадлежавшего им имущества, были немцы. Тут речь идёт не о служащих из зондеркоманды СС «Трешблинка-II» или, например, Собибора, но о государстве, которое, благодаря ценным вещам, поступавшим от убитых, получало необходимые для ведения войны средства³⁶. Однако, документы об объёмах ценностей, отнятых у привезённых сюда евреев, не сохранились. В этом случае можно сослаться только на воспоминания, оставшиеся от бывших узников и работников, из которых узнаем о составах, заполненных отсортированными одеждой, очками, мешками с волосами и так далее, а также о более ценных грузах, включавших золото, бриллианты, банкноты, часы и алмазы, которые лично доставлялись комендантом Трешблинки Ф. Штанглем командующему СС и полиции дистрикта Люблин О. Глобчнику. Уже после восстания из Трешблинки было вывезено несколько десятков вагонов с добычей³⁷. В подтверждение приведем воспоминания:

«У каждого убитого перед погребением или перед тем, как кинуть его на штабель мёртвых тел, скрупулёзно осматривали зубы. Работники, называемые дантистами, под надзором эсэсовцев или охранников вырывали золотые зубы и мосты из ртов трупов. Полученное таким образом золото после очистки и сортировки, произведёнными другими работниками, отправлялось в Третий рейх»³⁸.

Следует добавить, что немцы, служившие в лагере, также извлекали пользу из прибытия новых транспортов: напитки, еда, авторучки и другие ценные вещи, которыми во время отпусков они одаривали своих близких³⁹. Трудно сказать, знала ли немецкая администрация лагеря о системе нелегального обмена между узниками-евреями и охраной лагеря. Возможно, система контрабанды была построена с ее молчаливого согласия и при ее непосредственной материальной заинтересованности. Недостаток источников на эту тему делает невозможным однозначные выводы.

Ранее говорилось, что ценные вещи, полученные путём грабежа прибывших жертв, вывозились из лагеря. Из копий транспортных накладных знаем, что 22 августа, 3, 10, 13 и 21 сентября 1942 года из Трешблинки вывезено 243 товарных вагона вещей, награбленных у евреев, в качестве имущества войск СС в Люблин, а оттуда, в свою очередь, в Третий рейх⁴⁰.

* * *

В задачи автора статьи не входило показать Трешблинку-II как исключительное явление. Такие же процессы происходили на территории и вокруг

других лагерей, равно как и в гетто, где осуществлялась контрабанда с «арийской стороны». Такое поведение можно частично объяснить военными реалиями, приводящими к изменениям в психике человека и его превращению в животное, равнодушное к нанесению обиды ближнему, а также способное к причинению зла. Парадокс Трешлинки не в том, что это было единственное место такого рода на оккупированных немцами землях, но в том, что это было место (так же, как и Собибор, Белжец, Майданек или Аушвиц), которое с самого начала должно было являться местом смерти для одних людей и приносить доход другим. Он состоял в том, что, с одной стороны, лагерь нес смерть тысячам евреев, а с другой — стал «фабрикой», конвейер которой продлевал жизнь нескольким десяткам узников, снабжал золотом и деньгами вахманов, местных жителей и немцев. Благодаря соседству с лагерем смерти бедный район страны превратился для многих людей в притягательное «Эльдорадо», манившее «богатствами» убитых в лагере евреев.

Примечания

- ¹ *Lukaszewicz Z.* Obóz straceń w Treblince. — Warszawa, 1946. — S. 42.
- ² Подробнее см.: *Miejsce pamięci. Dom Konferencji w Wansee. Wystawa stała.* — Berlin, 1992; *Tuchel J.* Am Grossen Wannsee 56–58: Von der Villa Minoux zum Haus der Wannsee-Konferenz. — Band 1. — Berlin, 1992; *Gerlach C.* Konferencja w Wansee: Los Żydów niemieckich a polityczna decyzja Hitlera o wymordowaniu wszystkich Żydów Europy // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego* (далее — *Biuletyn ŻIH*). — 1998. — № 1/2 (185/186). — S. 35–74.
- ³ Об истории этого места см.: *Attal R.* Treblinka // *Encyclopaedia Judaica* / I. Gutman, red. Wersja CD-Rom; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard death camps. — Bloomington: Indiana University Press, 1999 — 437 p.; *Maranda M.* Nazistowskie obozy zagłady: Opis i próba analizy zjawiska. — Warszawa: Uniwersytet Warszawski — Instytut Stosowanych Nauk Społecznych, 2002. — 260 p.; *Kopówka E.* Obóz zagłady w Treblince. — Łapy, 2002; *Tenże.* Treblinka — nigdy więcej. — Siedlce, 2002; *Serény G.* W stronę ciemności: Rozmowy z komendantem Treblinka. — Warszawa: Cyklady, 2002. — 324 p.; *Chrostowski W.* Extermination Camp Treblinka. — London: Valentine Mitchell, 2004. — 123 p.; *Młynarczyk J.A.* Treblinka — obóz śmierci «Akcji Reinhardt» // Konferencje Instytutu Pamięci Narodowej. Akcja Reinhardt. Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie. — Warszawa, 2004 (далее — Konferencje IPN. Akcja Reinhardt). — S. 217–232.
- ⁴ *Młynarczyk J.A.* Op. cit. — S. 231. Для обозначения охранного персонала в Трешлинке здесь используется термин «вахманы» (в нем. оригинале *Wachmänner*). Охранный персонал составляли вахманы, которые с сентября 1941 г. рекрутировались преимущественно из советских военнопленных и проходили обучение в расположенном неподалеку лагере СС «Травники». Зачастую в цитируемых нами воспоминаниях переживших лагерь евреев или местных жителей термины «вахманы» и «украинцы» используются как синонимы. Это показывает, что, по крайней мере, на определенном этапе большая часть охранников воспринималась узниками и местными жителями либо как этнические украинцы, либо выходцы с территории Украины. Этническая принадлежность вахманов на сегодняшний день изучена недостаточно. С осени 1942 г. в Травники начали набирать и гражданских лиц, преимущественно из дистриктов Галиция и Люблин (Генерал-губернаторство), а так-

- же генерального округа Вольнь-Подолье (рейхскомиссариат Украина). За весь период с 1941 г. по 1944 г. было рекрутировано и обучено более пяти тысяч охранников. В последнее время для этой группы введено такое обозначение, как «охранники, обученные в Травниках», «травниковцы» (в оригинале Trawniki-Männer, Trawniki). См.: *Black P. Prosty żołnierz «akcji Reinhardt». Oddziały z Trawniki i eksterminacja polskich Żydów // Konferencje IPN. Akcja Reinhardt.* — S. 103–131; *Pobl D.* «Akcja Reinhardt» w świetle historiografii // *Ibid.* — S. 334–355.
- ⁵ См. прим. 2 к настоящей статье.
- ⁶ *Rusiniak M.* Treblinka — Eldorado Podlasia? // *Kwartalnik Historii Żydów.* — 2006. — № 2 (218). — S. 200–211.
- ⁷ В печати; издание планируется в начале 2008 г.
- ⁸ *The Death Camp Treblinka: A Documentary / A. Donat, ed.* — NY, 1979. — P. 101.
- ⁹ *Rozenberg E.* Wspomnienia z Trebłinki i partyzantki // *Bleter jar Geszichte.* — Т. XXVIII. — 1990. — S. 71 и др. Ср. воспоминания Элиаша Розенберга в: *Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego* (далее — А ŻIH), zespół pamiętniki, sygn. 302/151.
- ¹⁰ *Marczewska K., Ważniowski W.* Treblinka w świetle akt delegatury rządu na kraj // *Biuletyn Główniej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce (danee — Biuletyn GKBZHWP).* — Т. XIX. — 1968. — S. 151.
- ¹¹ Воспоминания Лейзера Якобскинда (А ŻIH, zespół relacje, sygn. 301/83, к. 3).
- ¹² *Rozenberg E.* *Op. cit.* — S. 91. Об этом также вспоминал Рихард Глязар во время беседы с Г. Сэрэны: «Транспорты означали жизнь, Вы понимаете? Жизнь и безопасность. Тот факт, что благодаря их смерти мы могли выжить, казалось, к нам не имел отношения... Наши мысли были заняты вопросами: откуда они? Богатые или бедные? У них есть с собой еда или нет?» (*Serény G.* *W stronę ciemności. Rozmowy z komendantem Trebłinki.* — Warszawa, 2002. — S. 185).
- ¹³ Подтверждение этого есть, помимо прочего, в одном из воспоминаний бывших узников: «Никто там не знает ценности материальных вещей. В песке, грязи лежат миллионы золотых, килограммы золота, большие бриллианты, масса предметов стоимостью буквально миллиарды золотых, и никто этого не берёт, потому что за чем трупам деньги, за чем людям, которые, может быть, уже через минуту будут гореть на штабеле мёртвых тел, материальное обеспечение» (*Marczewska K., Ważniowski W.* *Op. cit.* — S. 152); другой фрагмент из воспоминаний Станислава Кона, касающийся сортировки вещей: «Относительно лёгкой работой в лагере смерти является сортировка одежды убитых, при этом можно вдвоём наесться, поскольку “высланные” евреи брали с собой в дорогу большие запасы продовольствия: хлеб, мармелад, сало, сахар» (*Archiwum Akt Nowych* (далее — ААН), sygn. 202/II-61 s. 39; А ŻIH, sygn. 301/26, к. 4).
- ¹⁴ *Rajgrodzki J.* Jedenaste miesiące w obozie zagłady w Trebłince // *Biuletyn ŻIH.* — 1958. — № 25. — S. 104.
- ¹⁵ Тарнунгскоманда (*нем.* Tarnungskommando) — так называемая «маскировочная команда» (узники называли эту команду также «лесной командой»), выходившая несколько раз в месяц в соседний с лагерем лес, чтобы заготовить свежие ветки, которые затем влетались в ограждение лагеря, чтобы скрыть факт существования лагеря Трешлинка-II от внешнего мира. О работе этой команды см.: *Willenberg S.* *Bunt w Trebłince.* — Warszawa, 2004. — S. 59–64; *Glazar R.* *Trap With a Green Fence: Survival in Treblinka.* — Evanston, 1995. — P. 127–135. *Willenberg S.* *Op. cit.* — S. 61.
- ¹⁷ Цит. по: *Serény G.* *Op. cit.* — S. 192.
- ¹⁸ «Через наши руки проходили миллионы, а украинцы клянчили у нас, чтобы мы им дали немного долларов или золота. Им это нужно было, чтобы они могли эти сокровища выменять и спустить после службы у местных крестьян» (*Willenberg S.* *Op. cit.* — S. 23); *Rozenberg E.* *Op. cit.* — S. 91; *Wiernik J.* *Rok w Trebłince.* — Warszawa, 2003. — S. 11.
- ¹⁹ United States Holocaust Memorial Museum (далее —USHMM), Poland Documentation Project, RG-50.225*0032, аудио-воспоминания Ежи Скаржинского и Эугэньюша Вуйчика от 12 марта 1998 г.

- ²⁰ *Willenberg S.* Op. cit. — S. 23–24, 61; Muzeum Walki i Męczeństwa w Treblince, wspomnienia Gэновэфы Ростэк.
- ²¹ *Sereny G.* Op. cit. — S. 134.
- ²² Archiwum Państwowe w Siedlcach (далее — AP Siedlce), Zespól: Sąd Okręgowy, sygn. 794 — документи по делу обвиняемой.
- ²³ *Ibid.*, k. 5.
- ²⁴ Об этом сведения в: *Willenberg S.* Op. cit. — S. 23–24; также во время презентации очередного издания «Buntu w Treblince» в Варшаве в октябре 2004 г.
- ²⁵ AP Siedlce, Zespól: Sąd Okręgowy, sygn. 794.
- ²⁶ *Sereny G.* Op. cit. — S. 167–168; AP Siedlce, Zespól: Sąd Okręgowy, sygn. 794, k. 8.
- ²⁷ USHMM, Poland Documentation Project, RG-50.225*0053, аудио-воспоминания Генрика Слебзака от 7 июля 1998 г.
- ²⁸ *Królikowski J.* Budowałem most kolejowy w pobliżu Treblinki // *Biuletyn ŻIH.* — 1964. — № 49. — S. 55.
- ²⁹ *Ibid.* — S. 55.
- ³⁰ *Gyrski J.* Na przelomie dziejów. — Cz. II. — S. 57: «Поблизости от Треблинки лежит село Вулька Окронглик. Хозяева этого села посылали своих жён и дочерей к украинским охранникам, служившим в лагере, и возмущались, когда эти женщины приносили слишком мало колец и других ценных вещей, оставшихся после евреев, в качестве платы за особые услуги. Эта процедура была, конечно, очень выгодной: соломенные и камышовые крыши заменялись жестяными, а всё село производило впечатление Европы, перенесённой в этот Богом забытый уголок Подляшья. Ценой каких моральных потерь достигалось это благосостояние — об этом никто не думал» (RkpS Biblioteka Narodowa, mkf. III 74804, s. 56).
- ³¹ «Сюда приезжало пол-Варшавы. А какие только напитки сюда не привозили!» (USHMM, Poland Documentation Project, RG-50.225*0032, wspomnienia Эугэньуша Вуйчика).
- ³² *Królikowski J.* Op. cit. — S. 55.
- ³³ USHMM, RG-50.225*0032. Аудио-воспоминания Генрика Слебзака, Ежи Скаржинского и Эугэньуша Вуйчика от 12 марта 1998 г.
- ³⁴ *Sereny G.* Op. cit. — Ss. 134–135, wspomnienia Францишека Зомбецкого; USHMM, RG-50.225*0052, аудио-воспоминания Эугэньуша Госка от 7 июля 1998 г.
- ³⁵ *Czarkowski R.* Op. cit. — S. 74.
- ³⁶ *Sereny G.* Op. cit. — S. 86.
- ³⁷ A ŻIH, zespól Relacje sygn. 301/83; AAN, zespól Delegatura Rządu na Kraj, sygn. 202/II-28, s. 80, 82; AAN, zespól Obozy koncentracyjne, sygn. 212/III-1, s. 14; *Lukaszewicz Z.* Op. cit. — S. 42–43; о транспортных накладных с пометкой «Предметы одежды», являющихся доказательством вывоза имущества, оставшегося после евреев, с территории Треблинки-II, см.: *Marczewska K. Ważniewski W.* Op. cit. — S. 152; *Wojtczak S.* Karny ośrodek pracy Treblinka I i ośrodek zagłady Treblinka II // *Biuletyn GKBZHWP.* — Т. XXVI. — 1975. — S. 149.
- ³⁸ *Wojtczak S.* Op. cit. — S. 146.
- ³⁹ *Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe. — Warszawa, 1977. — S. 74; AAN, zespól Obozy koncentracyjne, sygn. 212/III-2, k. 109.
- ⁴⁰ *Wojtczak S.* Op. cit. — S. 149–150; *Ząbecki F.* Op. cit. — S. 97–99.